

1979, 30 мая

трибуна
молодых

КТО, ЕСЛИ НЕ ТЫ?

Недавно в Красной Пахре под Москвой по инициативе Московского горкомасомола собрались молодые художники, актеры, режиссеры, писатели, архитекторы. Почти неделю продолжалась эта встреча. К нам приезжали наши старшие товарищи, мы смотрели фильмы, обсуждали работы друг друга, часами говорили и спорили о сегодняшнем искусстве. Выяснилось — есть очень многое, что нас сближает, в каких бы разных областях творчества мы ни «состояли». Это общее — стремление, я бы даже сказал, жажда говорить сегодня о том, что нас волнует в жизни, в человеке наших дней, и говорить сегодняшним языком, теми средствами искусства, которые кажутся нам в достаточной мере современными, понятными и необходимыми нашему сверстнику.

Такое общение очень насущно для всех. Трудно не признать, что процесс своеобразной узкой специализации идет и у нас в творчестве тоже, процесс, неизбежно ведущий к определенной келейности. Между тем как раз в общем процессе развития мы наблюдаем обратную тенденцию — сильнейшего, как никогда, взаимопроникновения искусств.

Да, нас многое объединяет, и не только в чисто производственном, творческом плане, но прежде всего в идейной, в социально активной позиции. Пусть эта пози-

ция не всегда и не во всем еще осуществляется, мы, наше самое молодое поколение кинематографистов, еще только делаем первые шаги на этом трудном поприще, но важно, что мы все ее ощущаем, стремимся претворить в творчестве.

Экспериментальное молодёжное творческое объединение «Мосфильма» («Дебют») уже продемонстрировало нам эту позицию в лучших, конечно, своих работах. Я назову здесь «Ветеранов» Аркадия Сиренко, удостоенных Гран при в Кракове, «Встречу» известного украинского оператора, а ныне режиссера-дебютанта Александра Итыгилова, «Шелковицу» сценариста Эдуарда Аюпова и режиссера Геннадия Мелконяна. Эта последняя — очень национальная картина, сделанная в духе притчи, столь характерном для армянского искусства, и мне кажется, с ней в армянское кино пришли интересные, уже зрелые мастера.

И все-таки, и все-таки...

Ведь не для того мы собрались в Пахре и не для того я здесь пишу, чтобы заниматься только констатацией успехов. Тогда, когда, прямо скажем, еще очень и очень много нерешенных и достаточно острых проблем в творчестве молодых и в работе того же объединения «Дебют». Оно именуется экспериментальным, но, по чести говоря, так ли уж много среди его работ истинного

эксперимента? Эксперимента в эйзенштейновском понимании этого слова — то есть нового содержания, отлитого в новую форму. Так ли уж часто молодой режиссер, получив постановку или даже выбирая сценарий, честно идет на риск (а творчество — всегда риск!), предпочитает самостоятельную, не проторенную предшественниками дорогу?

Вот так и возникает опасность своеобразного компромисса, которая реально подстерегает каждого приходящего на большое кинопроизводство.

Известное постановление о творчестве молодых открыло нам большие возможности. Количество дебютов в кино просто огромно, и оно все растет — такие цифры лет десять назад просто нельзя было бы себе представить.

Но ведь в таком «бурном потоке» не так-то легко разглядеть крупницы истинного творческого поиска — и их, признаться, не так еще и много. Что скрывать, нынешнее положение дает немало возможностей и для ловких поделщиков, которые вполне могут воспринять столь богатые резервы и для личного устройства в искусстве, для определенного индигенчества. Ведь сказано же в докладе М. А. Суслова на Всесоюзном совещании идеологических работников следующее: «Не секрет, однако, что рядом с та-

лантливыми, высокоидейными романами, пьесами, фильмами появляются еще и серые произведения».

Это в полной мере относится и к нам, молодым, в чем творчестве серость просто нетерпима, не должна быть терпима. Зачем же тогда приходится в искусство? В чем же она тогда — молодость?

У всех у нас, советских молодых художников, — я говорю это с полной ответственностью — существует непреодолимое стремление ответить на духовные запросы своего современника, говорить в искусстве его языком и о его проблемах.

Мы много говорим и спорим о нынешнем герое — каким он должен быть: идеалистом, прагматиком? Роман-тиком или «человеком со стороны»? Когда меня спрашивают, какого лично я героя предпочитаю, я отвечаю: своего сверстника. Он может быть и романтиком, и рационалистом. Если такое понятие, как «рационализм», реально существует сегодня в действительности, значит, оно может иметь место и в искусстве, значит, и эта сторона нынешнего человека должна быть отражена без той однокрасочности, которая так угнетает нас в персонажах иных наших фильмов. Они должны быть живые, узнаваемые.

Когда я делал свою первую полнометражную картину на «Мосфильме» — «Взрослый сын», то я очень мно-

го думал обо всех этих вещах. Тем и привлек меня сценарий моей сверстницы и коллеги по ВГИКу — Гаяне Оганисян. Я понял, что проблемы ее сценария волнуют, могут взволновать и наших сверстников в кинозале.

Мы иногда боимся в искусстве газетности, но газетности как актуальности, как насущной злободневности тех или иных вопросов, право же, не нужно бояться. Я заметил, что и газету, и, следовательно, читателя остро волнуют так называемые нравственные аспекты — совесть, порядочности и компромисса с собственной совестью. Можно ли принести духовные ценности, ощущение собственной честности в отношении к жизни в жертву успеху, жизненному благополучию? Нет! — решительно возразят мне и будут совершенно правы. Но как часто, увы, в реальной жизни и, что самое печальное, в среде совсем молодых еще людей мы наблюдаем как раз обратные примеры — сначала частных, мелких уступок, а затем все более глубокого увязания в этой трясине жизненной гладкости!

Вот об этой опасности мы и хотели предупредить молодых своим фильмом. Вот и скажи теперь о кажущейся бесконфликтности и видимом благополучии нашего существования! Эта видимость только внешняя, и она обманчива: опасность внутренних повседневных компромиссов подстерегает молодого

человека на каждом шагу. И не так-то легко, поверьте, избежать ее — такова, мне кажется, внутренняя схема взаимоотношений юного героя нашего фильма с его рациональным, математически выверенным папашей.

Недавно я был со своей первой картиной «Взрослый сын» на БАМЕ, проехал его от Северобайкальска до Давана, встречался с мостостроителями, тоннельщиками, укладчиками. Был, как и все, поражен размахом этой стройки, этими людьми. А вернувшись в Москву, бросился читать все, что лежит у нас на «Мосфильме» о БАМЕ, и тоже был поражен. Только на сей раз — скудостью и удивительной стереотипностью мышления авторов — всех тех, кого посылали в командировки. А они привезли в большинстве своем материал, за которым и ездить-то никуда не надо было. Этот материал пока не находит режиссеров, и я надеюсь — среди молодых во всяком случае, — не найдет.

Вот вам и современный якобы герой! А между тем мне лично БАМ увиделся новой эпопеей в духе «Как закалялась сталь» — по напряженности трудовых и, я бы сказал, социальных усилий. Я сейчас вспоминаю, что во ВГИКе в свое время снял короткую ленту «Урок», где есть сцена из Островского — объяснение Корчагина с Ритой Устинович. Уже из одного коротко-

го столкновения с этим произведением и с этим героем я понял, как непросто и как многокрасочен характер Корчагина, но как часто склонны мы его мысленно представлять себе в одном цвете!

Здесь мы невольно возвращаемся мыслью к тем далеким временам, к временам начала нашего искусства, когда была написана книга Н. Островского, когда были поставлены такие фильмы, как «Чапаев», трилогия о Максиме и незабываемые «Мы из Kronштадта» Вс. Вишневского и моего учителя Е. Дзигана. О нем и о традициях его эпохи просто не могу не сказать здесь несколько слов. Ефим Львович Дзиган по возрасту мне даже не отец, он уже прямо дедушка, я считаю себя его внуком. Но меня всегда поражала молодость искусства его и его сверстников. В чем оно — немеркнущее обаяние их творчества? Его духовная платформа была очень мощной и очень искренней. Они шли со своими фильмами к людям, не скрывая своих страстей — очень громких, и громкости они не боялись.

Хочу заметить в связи с этим — ведь они, наши мастера, в то время были очень молоды, а им смело доверяли самые главные темы в искусстве. Быть может, сегодня и мы уже — в целом, как поколение — достигли того уровня, когда и нам можно доверить самое необходимое, самое главное, что требуется сегодня от творчества?..

Александр
ПАНКРАТОВ,
кинорежиссер.